

Ю.С. Пыльцын¹⁰⁷
Y.S. Pyltsyn

**«ВЕЛИКАЯ БЕСКРОВНАЯ».
ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-АРТИЛЛЕРИСТА
Э.Э. ЛИСЕНКО О РУБЕЖЕ 1916–1917 ГГ. НА ФРОНТЕ
«GREAT BLOODLESS».
MEMOIRS OF AN ARTILLERY OFFICER E.E. LISENKO
ABOUT THE PERIOD OF 1916–1917 AT THE FRONT**

Аннотация:

Публикуется серия очерков офицера 73-й артиллерийской бригады Э.Э. Лисенко о положении на театре военных действий в конце 1916 — начале 1917 г. События мятежа на фронте, реакция офицеров на свержение императора Николая II, газовая атака немцев — основные темы воспоминаний. Кроме очерка «Газы» все остальные публикуются впервые.

Ключевые слова: артиллерия, император Николай II, Первая Мировая война, Февральская революция, немецкая газовая атака.

Abstract:

A collection of essays by 73rd Artillery Brigade officer E.E. Lisenko covering the situation on the frontline from the end of 1916 till the beginning of 1917 is published. The main themes of the memoirs include mutiny at the frontline, the officers' reaction towards the ousting of the Emperor Nicholas II and gas attacks by the Germans. Except the memoirs entitled «Gases» all the other chapter are published for the first time.

Keywords: artillery, Emperor Nicholas II, World War I, February revolution, German gas attack.

Первая треть XX в. оставила нам немало воспоминаний очевидцев событий. Картины императорской России, поля сражений Русско-японской и Великой войн, трагедия революции, Гражданской войны и Русского исхода... Все это фиксировала память современников и перелагала в текст.

Одним из таких свидетельств эпохи являются воспоминания Э.Э. Лисенко (1897–1972). Эраст Эрастович происходил из дворянской

---

¹⁰⁷ Ю.С. Пыльцын — публикатор, автор предисловия и комментариев.

семьи, тесно связанной с Русской Императорской армией. До Первой Мировой войны семья Лисенко жила в Санкт-Петербурге, периодически выбираясь в свое имение Заречье под Черниговом. Там Лисенко построили школу для бедных и помогали лечить местных крестьян.

Эраст Эрастович закончил Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В 1914 г. молодой офицер пошел на Великую войну. С марта 1918 г. вместе с родственниками оставался на Украине, в имении, но вскоре, как и его брат Александр Эрастович, вступил в Добровольческую армию, связав себя с Белым движением. В 1920 г. Э.Э. Лисенко эвакуировался с Русской армией Врангеля из Крыма. Судьба занесла его в Восточную Европу, в Словакию, тогда часть Чехословацкой республики.

Там Эраст Эрастович встретил свою будущую супругу — Татьяну Константиновну Молчанскую (1907–1997). В Братиславе была большая русская колония, и молодые люди, вероятно, были знакомы с середины 1920-х гг. Однако поженились они только в 1944 г.

После Второй Мировой войны, как и многие русские эмигранты, семья Лисенко пополнила ряды ДиПи — displaced person — перемещенных лиц. Жизнь в лагерях для перемещенных лиц была нелегка. Сын Э.Э. Лисенко Иван вспоминал: «Отец работал постоянно. Работа обычно состояла из ручного труда, что было нелегко для 50-летнего недоедающего человека. Еду было трудно достать, и моя мама постоянно импровизировала, покупая продукты по выгодным сделкам»¹⁰⁸. В 1951 г. семье удалось переехать в США. Там Эраст Эрастович стал трудиться на спичечной фабрике, но вскоре нашел работу по специальности — инженера-чертежника. Так как он не говорил по-английски, ему можно было работать лишь в русскоязычных фирмах. Из-за этого приходилось ездить на далекие расстояния и часто менять работу. Наконец ему повезло: он устроился на фирме, принадлежащей его однокашнику по военному училищу. В 70 лет Э.Э. Лисенко вышел на пенсию.

Публикуемые воспоминания представляют собой зарисовки, объединенные в цикл «Великой Бескровной», как известно, называли Февральскую революцию. Сначала всерьез, а после полного крушения государственности это выражение стало звучать с горькой иронией. Хронологические рамки четырех очерков охватывают небольшой период — с декабря 1916 г. по март 1917 г. По своему характеру это скорее беглые эскизы. Возможно, сам Эраст Эрастович намеревался расширить цикл другими воспоминаниями, но по каким-то причинам не успел. В итоге перед нами краткое воспоминание о мятеже в конце

---

¹⁰⁸ Воспоминания И.Э. Лисенко о своей семье // Личный архив Ю.С. Пыльцына (ЛАП). Л. 5.

1916 г. на Северо-Западном фронте (эта часть — своеобразный пролог к революционным потрясениям), две зарисовки о реакции офицерства и солдат на свержение государя Николая II, и самая обширная часть цикла — описание газовой атаки в марте 1917 г. на участке фронта, где стояла батарея, в которой служил Э.Э. Лисенко.

Отметим, что последний очерк уже публиковался в журнале «Вестник Первопоходника»¹⁰⁹ под инициалами Э.Л. Любовь Эраста Эрастовича к буквенным обозначениям очень ярко проявляется во всех очерках цикла: все сослуживцы и сам автор именуется только инициалами. Причем, как оговаривает сам автор («Некоторые первые имена в рассказе выдуманы. Все остальное — быть»), не обязательно эти буквы являются действительно первыми буквами фамилии, имени или отчества. Так, генерал-майор Петр Михайлович Конопчанский зашифрован как «ген.-майор Б.». В связи с этим возникла сложность с идентификацией некоторых артиллерийских офицеров, упоминаемых в очерках.

Поскольку «Вестник Первопоходника» малодоступен читателям, а публикация Э.Э. Лисенко в этом журнале не сопровождалась научными комментариями, мы публикуем цикл полностью.

Воспоминания написаны на печатной машинке. Машинопись была сохранена сыном Эраста Эрастовича Иваном и в надежде на публикацию на родине передана Ирине Олеговне Федоровой, руководителю Российского имперского Союза-Ордена, потомку эмигрантов первой волны, вернувшейся в начале 2000-х гг. на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. От И.О. Федоровой копия машинописи попала к публикатору этих очерков. Пользуясь случаем, хотелось бы еще раз передать глубокую благодарность Ивану Эрастовичу Лисенко и Ирине Олеговне Федоровой за то, что сохранили и донесли до нас еще один гол из прошлого.

Публикуемые воспоминания станут еще одним документальным источником по истории Первой Мировой войны и революционных катаклизмов в России. Они доносят до нас реакцию на эти потрясения армии в целом и офицерского корпуса в частности.

Воспоминания предваряет краткое вступление, принадлежащее сыну автора И.Э. Лисенко.

Воспоминания артиллериста, из цикла «Великая Бескровная»

Великая Бескровная было название дано тем событиям февраля/марта 1917, в результате которых династия Романовых была свержена и на ее месте стало управлять Временное правительство, состоящее

---

¹⁰⁹ Э. Л. Газы // Вестник Первопоходника. 1969. № 88. С. 39–49.

из коалиции разных группировок. Император Николай II отрекся от престола 16 марта¹¹⁰. В это время в разных частях страны были беспорядки и всякие насилия против привилегированного класса и представителей власти. В разных частях армии и флота тоже было беспокойно, бунты и убийства офицеров. Хотя он не был Великий и не был Бескровный, этот период был сравнительно спокойным по сравнению с ужасами впоследствии Октябрьской революции.

Это воспоминание моего отца поручика Эраста Эрастовича Лисенко. Окончив Первый кадетский корпус¹¹¹, он сразу был послан на фронт. Он командовал батареей, установленной на берегу реки Стоход. Бои вдоль этой реки были жестокие, с огромными потерями с обеих сторон. Немцы употребляли ядовитый газ больше всех других стран, а русские войска имели самые большие потери от газа.

Иван Эрастович Лисенко

ЭРАСТ ЭРАСТОВИЧ ЛИСЕНКО

Рожд. 2 декабря 1897.

Сконч. 19 июня 1972.

БУНТ

(Воспоминания артиллериста — из цикла «Великая Бескровная»)

I.

Как-то в середине декабря 1916-го года, поздно вечером, звонит бригадный адъютант и передает мне приказание командира бригады: немедленно вступить в дежурство по бригаде, объехать все батарейные передки и резервы, проверить несение службы у денежных ящичков, в частности, и об результатах ночью доложить.

По-семейному тихо и уютно было у нас на позиции, которую мы занимали с конца августа месяца 1916-го года. Глубокий снег засыпал дороги и тропы в лесах Полесья. Заведую хозяйством, выезжал я по должности раз в месяц за 40 км в корпусное казначейство и чувствовал себя

---

¹¹⁰ Неточность И.Э. Лисенко. Император Николай II был свергнут с престола 2 (15) марта 1917 г.

¹¹¹ 1-й Кадетский корпус располагался в Санкт-Петербурге. Старейший кадетский корпус в России, основан в 1732 г. Воспитанники выходили не только в армию, но и на гражданскую службу. Среди выпускников — генерал князь М.И. Кутузов-Смоленский, св. прав. адмирал Ф.Ф. Ушаков, композитор Н.А. Римский-Корсаков и др.

как в сказке о царе Берендее. Привозил по несколько сотен рублей, и в голову мне не приходило, что кто-то может на эти деньги позариться и меня при этом обидеть. Ведь и деньги же были не мои, а солдатские, от казны отпущенные на жалование людям и на довольствие им и коням. Молод я был и наивен.

О причине несколько необычного приказания спрашивать не приходилось — дисциплина «сознательной» еще не была. Разведчик из Управления бригады привез кроки расположения передков и резервов, и часов в 11 ночи сопровождаемый вестовым я выехал. Проездив почти всю ночь и на рассвете доложил в Управление бригады о полном всюду благополучии и исправном несении караульной службы. Но вот что меня поразило: несмотря на поздний час, не успевал я приблизиться к очередному батарейному резерву, как откуда-то из темноты и снега появлялся, очевидно, уже меня поджидавший подпрапорщик, фельдфебель или ящичный вожатый, старший фейерверкер, звякал шпорами и лихо рапортовал о полном благополучии. По окончании рапорта неизменно добавляя: «Будьте покойны, не извольте беспокоиться, Ваше благородие, у нас полный порядок есть и будет».

Утром, подавая мне умываться на снегу перед землянкой, мой вестовой, нянька и верный друг бомбардир Максим Поляков доверительно, вполголоса сообщил мне, что сегодня на рассвете у передков нашей батареи по приговору военного полевого суда учебная команда при Штабе дивизии расстреляла 15 человек солдат одного из полков нашей Н.¹¹² пехотной дивизии.

Это сообщение повергло меня в полное уныние: так вот чем объяснялась моя ночная командировка! До сих пор таких вещей у нас не происходило... Оказалось, следующее: моряков Балтийского и Черноморского флотов, осужденных военно-морским судом в арестантские роты на сроки не больше 5 лет, посылали отбывать наказание в пехотные части на фронте, дабы дать им возможность заслужить помилование. Так как по призыву во флот направлялись предпочтительно люди, знающие какое-нибудь ремесло, то и попали туда главным образом мастеровые. Как известно, среди рабочего люда всегда у нас был известный процент совращенных революционной пропагандой, поэтому этот эксперимент командования был во всех отношениях довольно рискованным.

В одном из батальонов Н. пехотного полка таких «сознательных» оказалось 15 человек в одной куче, и они-то и убедили вчера остальных не исполнять приказание командира полка: батальону, сменившемуся с позиции, идти за лесом для блиндажей. Разобравши винтовки, бата-

---

¹¹² Артиллерийская бригада, в которой служил Э.Э. Лисенко, входила в состав 73-й пехотной дивизии.

льон исполнить приказание отказался, построился, но дальше, как когда-то на Сенатской площади, они, видимо, не знали, что им предпринять, и дождались, покамест вызванный по тревоге казачий полк, прикомандированный к нашему корпусу, окружил их и обезоружил¹¹³.

Было ли все это глупостью или изменой и с чьей стороны, я не знаю, но в нашей богоспасаемой дивизии этот печальный эпизод прозвучал раскатами первого грома грядущей революции. Перед смертью матросы кричали присутствующим артиллеристам: «Братцы, за вас умираем!»...

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

(Воспоминания артиллериста — из цикла «Великая Бескровная»)

II.

Приближался конец февраля 1917 года, когда «по солдатскому телеграфу» начали поступать к нам сведения о каких-то уличных беспорядках в Петрограде.

Моя 4-я батарея 73-й артиллерийской бригады уже несколько месяцев занимала позицию в глуши Полесья, на реке Стоход, перед так называемым Старо-Червищенским плацдармом. Уютно и тихо жили мы в ожидании весеннего боевого оживления.

Снарядов было у нас много, даже слишком много, и мы забыли уже снарядный голод лета и осени 15-го года. С питанием людей и конского состава дело обстояло значительно хуже, но объясняли мы это — что позже и подтвердилось — больше саботажем и взяточничеством развращенного длящейся уже третий год войной тыла, чем фактическим недостатком продуктов питания и фуража в России.

Должно быть, было это числа 28-го, когда поздним вечером командующий бригадой ген.-майор Б.¹¹⁴ вызвал нас к себе на совеща-

---

¹¹³ Возможно, автор имеет в виду случаи волнения в 17-м Сибирском стрелковом полку 2-го Сибирского корпуса и в 55-м Сибирском полку 6-го Сибирского корпуса (ошибочно, за давностью лет, отнеся эти случаи к 73-й дивизии). Наиболее крупным из них было событие в 17-м Сибирском стрелковом полку, где в ночь на 23 декабря 1916 г. восстал 1-й батальон, отказавшись идти в наступление (подробнее см.: Шелюбский А. Большевицкая пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 67–80).

¹¹⁴ Бригадой в то время командовал генерал-майор Конопчанский Петр Михайлович (1867–1937). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. С начала Первой Мировой войны — командующий 5-й тяжелой артиллерийской бригадой (17 августа 1914 г. — январь 1917 г.). В январе 1917 г. — командир 73-й артиллерийской бригады. Инспектор артиллерии 48-го армейского корпуса до 24 июня 1917 г. Инспектор артиллерии 13-го армейского

ние — командиров дивизионов, батарей и старших офицеров. Всего четырнадцать человек, из коих самым младшим по службе, да и по годам, был я.

В этот день утром мы получили приказание быть готовыми к походу на ст. Маневичи и к погрузке на предмет дальнейшего следования на Петроград для подавления расширяющегося там бунта, в котором, как нам было уже известно, приняли участие и запасные части питерского гарнизона. Кроме моей 4-й батареи «солдатский телеграф» называл еще, как получившую такое же приказание, одну из батарей 5-й стрелковой бригады. Естественно, что вызов к командиру бригады мы связывали с этим обстоятельством.

Я как коренной петербуржец был рад навести порядок в родном городе. В памяти жили еще воспоминания детства о днях революционного брожения 1905–06 гг., когда на моих глазах казачьи разъезды в пять коней разогнали нагайками, без единого выстрела, тысячный митинг, собравшийся у нас в Коломне на Торговой улице, и в течение получаса навел полный порядок.

Тем горше в дальнейшем было мое разочарование.

Генерал Б. встретил нас с чрезвычайно таинственным видом, даже запер на задвижку двери землянки и снаружи выставил своего вестового. Открыв совещание, генерал сообщил нам то, что по «солдатскому телеграфу» мы уже знали. В Петрограде уличные беспорядки, в них принимают участие некоторые запасные части гарнизона, вступившие в перестрелку с полицией. Новым для нас было его сообщение, что какое-то участие во всем этом принимает Государственная Дума. Закончив это свое сообщение, генерал откинулся корпусом на спинку кресла и, обедя всех нас взглядом, выражение которого уловить было трудно, изрек, как в известной сцене городничий: «Я собрал вас здесь, господа, чтобы узнать ваше по этому поводу мнение». Как младший должен был говорить я, и хотя форма вопроса, вернее постановка его, не была мне ясна, сказал приблизительно так: «...Бывая довольно часто в Питере в различных командировках, я хорошо присмотрелся к тамошней обстановке — войска его гарнизона вообще никакие не войска и тем более не гвардия. Это запасные старших возрастов; в каждой роте их по несколько сотен, если не вся тысяча. Малочисленным офицерам, причем офицерам не кадровым, а запаса или военного времени, ни обучить эту массу, ни просто уследить за ней нет никакой физической возможности. Правда, они маршируют с песнями по площадям и улицам, но, надо полагать, больше для моциона. Да и винтовок на весь людской состав не имеется, обучают их ружейным приемам

корпуса. После революции остался в Советской республике. Жил в г. Брянск. Неоднократно подвергался арестам. В 1937 г. расстрелян.

с помощью деревянных палок, чему я сам был неоднократно свидетелем. О рабочих с завода не говорю — это для регулярной армии не противник. От пары хорошей картечи весь этот сброд побежит в панике. Для того чтобы навести в столице полный порядок, достаточно снять с фронта один батальон и максимум две батареи...»

Говорить дальше генерал никому не дал. Он весь, как индюк, налился кровью, вылупил свои рачьи глаза, выставил вперед бороденку и замахал на меня руками.

— Садитесь, поручик, садитесь!!! Это ваше личное мнение, никому не интересное и никому не обязательное. Господа офицеры, я прекращаю совещание и прошу вас, вернувшись во вверенные вам части, соблюдать полный порядок и дисциплину в ожидании дальнейших приказаний.

Я хорошо знал генерала Б., т. к. служил при нем уже второй год и некоторое время был его дивизионным адъютантом. Хитрая это была старая лисица и притом мало среди офицерского и солдатского состава уважаемая. Все боевые награды, полученные им, были заслужены другими, а им только умело присвоены. Судя по тому, как он реагировал на мои слова, я тогда же подумал, что знает он обо всем этом значительно больше, чем сказал нам, и неспроста мое мнение о событиях в Питере так сильно пришлось ему не по шерсти.

Последующие события подтвердили это мое чисто интуитивное тогда предположение, что бунт этот далеко не для всех был полной неожиданностью.

Мы откланялись и вышли. Ехали все вместе, шагом и молчали... Ночь была дивная — морозная, тихая, светлая и звездная. А на душе было так тяжело, так тяжело, как бывает только в предвидении большого несчастья.

В эти часы в далеком Пскове оно и совершалось... Утром по телефону нам дали знать, что все распоряжения к погрузке отменяются, а еще через сутки мы получили роковую весть об отречении Государя.

ПРИСЯГА

(Воспоминания артиллериста — из цикла «Великая Бескровная»)

III.

Весть об отречении Государя Императора поразила нас, как удар грома. Всего мы ожидали, но только никак не этого...

Вы когда-нибудь слышали или где-нибудь видели, чтобы меняли запряжку в экипаже во время переправы через бурную реку?

Из его прощального приказа по армии явствовало, что отречение это было вынужденным. Ставшие нам позже известными слова Госуда-

ря, сказанные им во Пскове, — «...кругом трусость, предательство, измена...»¹¹⁵ — меньше всего, конечно, относились к голоштанному пролетариату Питера, но главным образом имели в виду генералов, нарушивших присягу, не выполнивших свой долг перед Престолом и Родиной, с такой готовностью споровших со своих погон его генерал-адъютантские вензеля¹¹⁶. Во всей России не нашлось ни одного Шервуда-Верного¹¹⁷, ни одного Милорадовича¹¹⁸, даже ни одного командира той конной батареи, что, не задумываясь долго, подал команду: «Картечью!»... Но, да простит меня Бог за эти слова, и Император Николай не был Николаем Первым, но Вторым.

В памяти встало его грустное лицо, так прекрасно переданное на портрете Серовым¹¹⁹, его добрые, такие красивые глаза, его всегдашний застенчивый жест — поглаживание правой рукой перчатки на левой, когда он говорил нам каждый год приблизительно одно и то же:

---

¹¹⁵ Неточность автора, в своем дневнике император Николай II написал: «Кругом измена, и трусость, и обман».

¹¹⁶ Автор имеет в виду заговор в Ставке Верховного главнокомандующего против императора Николая II, в котором приняли участие представители высшего генералитета русской армии, включая начальника Штаба главноверха генерала от инфантерии М.В. Алексева. В современной историографии существуют как сторонники, так и противники точки зрения о военном заговоре (см., например: *Александров К.М.* Накануне Февраля: Русская Императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. М., 2022; *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002; *Оськин М.В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016; *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014; и др.).

¹¹⁷ Шервуд-Верный Иван Васильевич (1798–1867) — русский офицер английского происхождения. Будучи унтер-офицером 3-го Украинского уланского полка, сообщил в 1825 г. императору Александру I о существовании тайного преступного общества (позднее члены этого общества станут известны как декабристы). В ознаменование этого поступка император Николай I присвоил И.В. Шервуду почетную прибавку к фамилии — Верный.

¹¹⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — граф, генерал от инфантерии, участник суворовских походов, один из военачальников русской армии во время Отечественной войны 1812 года, санкт-петербургский генерал-губернатор (1818–1825), член Государственного совета. Смертельно ранен во время восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

¹¹⁹ Серов Валентин Александрович (1865–1911) — русский живописец и график, мастер портрета, академик Императорской Академии художеств. Портрет императора Николая II в серой тужурке был написан в 1900 г. и предназначался в подарок императрице Александре Федоровне. Об этом портрете искусствовед А.М. Эфрос высказался так: «Ласковой кистью написал (Серов. — Ю.П.) тихого светловзорого мечтателя в полковничьих погонах» (*Эфрос А.М.* Профили: очерки о русских художниках. СПб.: «Азбука-классика», 2007. С. 38).

«Мои кадеты, я жду от вас и верю, вы будете служить Родине и мне так же верно, как делали это ваши отцы, деды и прадеды».

Командир батареи сказал мне: «Вы популярны в их среде — прочтите батарею этот приказ».

Тяжело мне было исполнять это приказание, так душевно тяжело, что нет слов передать эту тяжесть... Дойдя до места в приказе, где Государь прощался с армией¹²⁰, я не выдержал и разрыдался. Не стыжусь признаться здесь в этом — плакал не я один, плакала вся 4-я батарея...

Получено приказание присягать Временному правительству. Командир опять обратился ко мне: «Я здесь человек новый (он был офицером другой бригады и только недавно вступил в командование батареей), батюшка сегодня будет у нас, предупредите об этом людей».

Я по телефону построил батарею и, поздоровавшись с людьми, скомандовал «Стоять вольно!». Но рта открыть не успел, как подошел подпрапорщик и сказал: «Так что, ваше благородие, ребята присягать новому правительству не соглашаются».

Первое мгновение я подумал, что ослышался, что здесь какое-то недоразумение — но оказалось не так. Подпрапорщик доложил мне от имени всей батареи, что они этот вопрос всесторонне обсудили и решили, что приказание о присяге их не касается, т. к. «мы присяге не изменяли, нехай тот присягает, кто свою присягу поломал». Из второй шеренги чей-то звонкий голос выкрикнул: «... Из господ, которые!» Это была как бы искра электрического разряда.

---

¹²⁰ Имеется в виду обращение императора Николая II к войскам 8 (21) марта 1917 г.: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять Россию от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает о мире, кто желает его — тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведут вас к победе святой великомученик и победоносец Георгий». Впоследствии было выяснено, что строки с упоминанием Временного правительства были вставлены позднее, без ведома императора. Оригинальный текст, написанный рукой Николая II, был другим (подробнее см.: Кузнецов А. Церковь и грех Февраля. Б. м., 2016. С. 229–238).

Теперь уже дружно кричали все: «Мы верою и правдою до последней капли крови, не щадя живота, как в действительную (службу) присягали!..» — «И в Русско-японскую, и в эту с первого дня мобилизации!..» — «И в китайский мятеж, как Пекин брали!..» (1901 г.) «Нема чего нам присягать, мы Царю и Отечеству не изменяли!..» — «Кто изменил, нехай тот и присягает!»

Такой оборот дела был для меня несколько неожиданным. Я вернулся в офицерскую землянку — блиндаж и доложил командиру о происшедшем.

— Уговорите их!

Я уговаривал их, покамест это гиблое дело мне не надоело, и, не без внутреннего удовлетворения, правда, махнул на него рукою. Так 4-я батарея 73-й артиллерийской бригады Временному правительству и не присягнула.

Надо полагать, генерал Б. скрыл это обстоятельство от высшего начальства, т. к. никаких последствий оно не имело, да и сам он, передав начальствование бригадой одному из дивизионеров¹²¹, скоро уехал от нас в тыл «углублять революцию», как тогда говорилось.

ГАЗЫ

(Воспоминания артиллериста — из цикла «Великая Бескровная»)

IV.

Было 7 часов утра 21 марта 1917 года. Накануне я провел сутки на наблюдательном пункте, и поздним вечером, смененный подпор[учиком] Т.А.Б¹²², спал еще, но сквозь сон слышал, как кап[итан] А.М.П.¹²³ тряс меня за плечо, повторяя настойчиво: «Э[раст] Э[растович], проснитесь, примите батарею, я умираю»... Наконец смысл этих слов дошел до сознания, и я вскочил с походной койки; в землянке было необычайно живо. Три телефониста и наши вестовые толпились тут же, а А.М. сидел на стуле, спустив руки и склонив голову, с безнадежным видом человека, примирившегося со смертью. На фронте шла непрерывная перестрелка, сливающаяся уже в сплошной гул; на позиции батареи, тут же, в 50 шагах, рвались частые очереди.

---

¹²¹ Скорее всего, имеется в виду Дмитрий Иванович Органов (1868 — ?) — полковник, с марта 1917 г. — командующий (временно исполняющий обязанности командира) 73-й артиллерийской бригадой.

¹²² Буров Т. А. — поручик 73-й артиллерийской бригады.

¹²³ Пулевич Алексей Михайлович (1885–1922) — капитан 73-й бригады. В описываемом Э.Э. Лисенко бою выжил. Участник Белого движения. Эмигрировал, жил в Югославии.

Только намеренно я читал армейскую сводку, и там о нашем Старо-Червищенском плацдарме на Стоходе было черным по белому сказано, что противник представляет из себя спешенную австрийскую кавалерию, редкими постами занимающую участок. Но дело было ясное, мы проворонили, тарарам начался... Но что с командиром? Уже при бегом осмотре было ясно, что он не ранен. Я постарался успокоить его, сказав, что это ерунда, сейчас он не умрет. Приказал денщикам дать ему и мне чаю, и тут же выяснил, почему А.М. собирался умирать. С рассветом Т.А.Б. позвонил с пункта к[оманди]ру и доложил ему, что на фронте «пахнет жареным». К[оманди]р поднялся немедленно, взял с собой телефонистов и, приказав не будить меня без особой надобности, пошел на пункт (2,5 версты). Отойдя каких-нибудь полверсты, они попали под сильный орудийный огонь (противник, видимо, еще пристреливался). В разорвавшейся в непосредственной от А.М. близости гранате оказались удушливые газы. Он добросовестно глотнул их полным ртом, а остальное для меня было понятно...

Через полчаса к[оманди]р окончательно оправился и ушел на пункт, сказав мне на прощание то, что, должно быть, все к[оманди]ры на свете говорят своим ст[аршим] офицерам: «...Смотрите же, Э[раст] Э[растович], не теряйте со мною связи»... Я передал подп. Б.¹²⁴ об уходе к[оманди]ра; попросил нашего второго мл. офицера, прап[орщика] М.¹²⁵, недавно выпущенного к нам из Н[иколаевского] арт[иллерийского] училища¹²⁶, присмотреть за денщиками, а когда вся уборка будет окончена, вместе с ними пожаловать на батарею. В тяжелые минуты денщики по традиции включались у нас в команду телефонистов. Надев шинель, фуражку, ремни с револьвером (что делал только в исключительно торжественных случаях) и захватив книжку целей, я вышел из землянки, предварительно скомандовав по телефону: «К бою!».

День был ясный, снега было уже маловато, за ночь хорошо подмерзло, было сухо. Солнце светило во все лопатки. Прислуга была уже у орудий. Все они, за исключением одного, были у нас под блиндажами. Это шестое орудие только на днях было получено нами из витебского арсенала, и вместе с ним на пополнение прибыл окончивший учебную команду 5-го запасного дивизиона молоденький бомбардир — навод-

---

¹²⁴ Информацию об офицере найти не удалось.

¹²⁵ Информацию об офицере найти не удалось.

¹²⁶ Николаевское артиллерийское училище в Киеве. Проект открытия четвертого в России артиллерийского училища был разработан и утвержден еще в 1913 г., но за отсутствием кредитов оно начало действовать лишь в октябре 1915 г. Всего до февраля 1917 г. было произведено три выпуска. Последний выпуск принес присягу императору 28 февраля 1917 г.

чик из вольноопределяющихся 2-го разряда¹²⁷. Я его при этом орудии наводчиком и оставил: его предшественник был в отпуску.

Здесь я должен невольно прервать свое подробное и последовательное повествование по очень простой причине: все дальнейшее, что произошло в этот день, я помню только отрывками, и уважаемый читатель извинит меня за это, и вот почему — с тех пор прошло много лет, это во-первых, а во-вторых, в тот день я непрерывно пробыл под огнем и газами с 7 ч. утра до 3 ч. ночи и, несмотря на молодость и относительное здоровье, видимо, временами обалдевал, как бы теряя сознание, и не отдавал себе отчета в происходящем. Поэтому дальше я буду рассказывать только отдельные, наиболее яркие эпизоды, уцелевшие в памяти. Во-первых, сразу же, чтобы покончить с этим, о масках.

Масок у каждого из нас было две — одна более старого образца, марлевая, пропитанная каким-то нейтрализующим составом, другая гуттаперчевая, образца Кумонта-Зелинского, с фильтром.

Так как орудийной прислуге работать, а мне командовать и непрерывно ходить по фронту батареи, подбадривая людей, в гуттаперчевой маске было невозможно, то все мы схватились за первую модель. Уже с самого начала боя концентрация различных газов (запомнились мне газы хлористый, фосгеновый, с сильным запахом свежих яблок) была на позиции батареи довольно значительная (батарея стояла на опушке густого леса). Маски первого образца, к нашему большому огорчению, высохли уже через к[акой-]н[ибудь] час или меньше и в дальнейшем если и употреблялись, то только как моментальная примочка, смоченная водою или еще чем-нибудь более примитивным. Лично я эту маску выбросил; пытался надеть Кумонта-Зелинского, но мне она была не к лицу — нельзя в ней было ни ходить, ни командовать, а главное — ругаться. Эта маска, продержавшись часа 1 ½ — 2, начала пропускать газы так же хорошо, как и без нее. Уже к полудню я ни у кого ее не видел; ни у орудийной прислуги, ни у телефонистов. Сухой хворост, специально заготовленный перед орудиями, мы сожгли очень быстро, как только первая волна газа, пущенная немцами из баллонов, дошла до нас. В дальнейшем, и до конца боя, перед газами мы были абсолют-

---

¹²⁷ Вольноопределяющийся — военнослужащий, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования. Вольноопределяющиеся проходили службу на льготных условиях (сокращенный срок службы, проживание в отдельных помещениях казарм или на частных квартирах и др.) и имели преимущества при поступлении в военные училища. Срок службы вольноопределяющихся 2-го разряда — 2 года, 9 лет в запасе (срок службы на общих основаниях — 3 года, 12 лет в запасе), для получения офицерского звания следовало прослужить 3 года.

но беззащитны. По моему приблизительному подсчету, по позиции батареи «на поражение» непрерывными очередями крыли: две легкие 4-оруд[ийные] батареи попеременно гранатой, шрапнелью и гранатой с газами; одна мортирная — 4-оруд[ийная], мортирной бомбой; одна шестидюймовая, т. наз. «зеленым змием»; и тяжелый 8- или 10-дм¹²⁸ взвод, снарядами, полет которых заглушал все остальные звуки и пригибал деревья к земле.

Номера жались под блиндажами; «два патрона, беглый огонь» поддерживать мне становилось все труднее и труднее. Связь с передовым наблюдательным пунктом, несмотря на то что провод в особенно опасных местах был закопан, порвалась с самого начала боя; к[оманди]р пытался ее восстановить, но это было уже невозможно. С командирским пунктом связь была у меня непостоянная, т. к. провод непрерывно рвался. Мы высылали телефонистов друг другу навстречу, но ко мне дошел только один. Он остановился соединить перебитый провод в десятке шагов от позиции, т. е. пройдя почти три версты крестного пути, был уже у цели, когда легкая граната разорвалась у него буквально между ногами. Он упал. Сомнения, что он убит, не было. Я все же приказал принести его. Никто не шевельнулся. Я направился к нему, чтобы самому сделать это, но не успел пройти и пары шагов, как человек десять из команды телефонистов и прислуги бросились сломя голову исполнять приказание. Я подошел к убитому и попытался вынуть зажатые у него в руке щипцы — это оказалось невозможным, мертвый не хотел отдать их. Так и предстал этот доблестный телефонист перед Господом со своими щипцами в руках.

Орудие 2-го взвода, которым я командовал до назначения ст. офицером, начало пропускаться. Я подошел к блиндажу и осведомился, в чем дело. Заклинилась граната. Это не было редкостью; в 1915 г. заклинившимися гранатами в нашей бригаде было разорвано три орудия. «...Банник¹²⁹ накатывали?» — «Так точно, г-н поручик, накатывали, да он там и остался». В доказательство подносят мне обломки, с видом людей, честно исполнивших свой долг и обретших поэтому душевное спокойствие. Когда я рассержусь, то мало соображаю, что делаю, но здесь я соображал очень ясно. Мне внезапно пришла в голову мысль, которая потенциально, очевидно, была у меня и раньше: если зуб ружья затвора не доходит на каких-нибудь пару миллиметров, то фактически затвор уже повернут и, если втулка гранаты завернута не так уже тщательно, а боек ударника выступает на какую-либо неизмеримо

---

¹²⁸ Дюймовый.

¹²⁹ Банник — цилиндрическая щетка на длинном древке для чистки (банения) и смазки канала ствола артиллерийского орудия вручную.

малую величину больше, чем ему полагается, то при известной удаче выстрел произвести можно. Хорошо выругав прислугу моего любимого орудия, я скомандовал им немедленно убираться из блиндажа. «Куда, г[осподи]н поручик?» Они явно не понимали, что я хочу делать. Я ответил им «соответственно», и они, может быть, думая, что имеют дело с умалишенным, исчезли, как дым.

Я подошел к орудию, для очистки совести еще раз хлопнул затвором; результат был тот же, зуб не доходил; перекрестясь в душе, потянул за шнур; произошел выстрел, да такой, что на какую-то часть минуты заглушил творящийся кругом ад. Это очень эффектно и звучно, когда впереди гранаты вылетает банник... Мне каждое орудие было теперь дороже жизни, и люди, видимо, поняли это... «И храбрый же вы, г[осподи]н поручик...» — услышал я похвалу фейерверкера. Больше это орудие из строя не выходило.

Появившихся первых убитых и раненых я как бы не замечал до того момента, когда мне сказали, что умирающий мл. фейерверкер Р.¹³⁰ просит меня подойти к нему. Огромный, он лежал во взводной землянке-блиндаже крайним. В полутьме я не обратил внимание на род его ранения. Я выслушал его просьбу сообщить бабе, что он убит, и переслать ей три рубля, которые он тут же вытянул из мешочка, висевшего у него вместе с ладанкой на шее. Я, как мог, ласково пообещал ему выполнить все, как он просил, и вышел. Значительно позже, когда подъехала первая санитарная двуколка, оказался стоящим у этого же блиндажа. Выводили и выносили раненых. Каково же было мое удивление, когда я увидел выходящим и моего фейерверкера. Он двумя руками отстранял желающих помочь ему, самостоятельно дошел до двуколки, сел в нее, поднял руку перекреститься, но тут же и опустил ее уже мертвый. Я с удивлением и ужасом наблюдал за этой картиной: левая часть его головы была расколота, и мозговое вещество выступало наружу.

До сих пор огонь я вел довольно интенсивно и правильно, снарядов было хоть завались, но орудия перегревались и то и дело теперь уже пропускались. Как в последний раз сообщили с пункта: немцы пустили уже две волны газов. Связь с к[оманди]ром прервалась...

Еще раз вернусь к газам, чтобы читатель получил о них более ясное представление. Уже солнце на ясном небе различалось смутно, голову сжимала такая головная боль, как будто ее завинчивали железным обручем, конечно, хотелось дышать, но каждый глоток воздуха вливался в горло расплавленным оловом. Я никуда не укрывался, т. к. огня мы все же не прекращали. Для меня одно было странно: в творящемся кругом аду я не различал милых каждому артиллеристу звуков — огня

---

¹³⁰ Информацию о солдате найти не удалось.

своих батарей. Объяснение этому было очень простое, но, признаться, тогда не пришло мне в голову: все остальные батареи нашей и соседней бригады, как только оказались под газами, прекратили огонь и увели прислугу. Обо всем этом я узнал только на следующий день и в душе всегда благодарил Создателя за то, что я не сделал того же.

Передо мною появилась странная фигура телефониста с передового наблюдательного пункта, мл[адшего] фейерверкера Ч.¹³¹ Об этом человеке можно было бы писать роман; кавалер 3-х ст[епеней] Георгия, дальше телефониста он карьеры не сделал, хотя к[оманди]ром и было ему обещано при получении первой степени креста производство в подпрапорщики. Служил он у нас добровольцем, поступившим в батарею в первые дни войны в Восточной Пруссии. Еще в мирное время он отбыл воинскую повинность и позже, из родной Полтавщины, при обстоятельствах весьма романтических, но никому неизвестных, должен был бежать за границу, где работал батраком на немецкой ферме. В батарею он явился где-то под Гумбиненом¹³², чрезвычайно эффектно: на паре добрых немецких гунтеров, запряженных в повозку, до верха наполненную окороками и пр. приятной для солдатского желудка снедью. Эту часть его биографии я всегда знал, со второй же познакомился, когда был делопроизводителем бригадного суда и получил из штаба корпуса объемистую переписку по делу Ч. с любезной припиской военного следователя: «Находящегося, по имеющимся у меня данным, в вашей части м[ладшего] ф[ейерверкера] Ч. немедленно арестовать и препроводить...».

Посоветовавшись с к[оманди]ром, мы вызвали Ч. и откровенно поговорили с ним. Он обвинялся в убийстве, совершенном им в 1912 г. где-то в родном селе под Миргородом. Все эти годы его разыскивали, дело путешествовало с места на место, пока не попало в мои руки. Ч. запыряться не стал, а откровенно и покаянно рассказал, как было дело.

«Люди мы были зажиточные, и отец рано женил меня на одной из самых красивых девчат нашего села, еще до солдатчины. Только, ваше благородие, как пришел я с действительной, то дома застав чорт зна що. Люди сказывали, только ленивый не ходил за моей жинки. Ну что ж, она в ногах у меня повалылась, полупщевал я ее малость для остратки и простил, конечно... Но вот как-то перед Троицей задержался я на ночи в шинке; иду домой, ночь светлая, лунная, все как на ладони. Ан глядь, вікно в моей хате відіняється и якись хлопец из хаты вылезает, бо двери булы замком зачинены. Был я выпивши, ваше благородие, и не думал

---

¹³¹ Информацию о солдате найти не удалось.

¹³² Гумбиннен — город в Восточной Пруссии, в районе которого 20 августа 1914 г. произошло первое сражение на Восточном фронте Первой Мировой войны, завершившееся победой русских войск и отходом немцев.

долго; как раз под окошком секира валялась, я днем дрова колол, схватил я секиру, да как парень из окошка вылез, по башке его и тюкнул. Он упал; гляжу, мертвый... Я и в хату не зашел... через два дня був на немецкой стороне, а другое вже вам звісно...» Он ни об чем не просил, но мы сказали ему так: «Ты старайся, Ч., и дальше; три степени имеешь, за 1-ю произведем тебя в подпрапорщики, а там Бог даст, война окончится, подадим прошение на Высочайшее имя о помиловании». Дело его я положил в архив, а в Корпусную прокуратуру ответил, что м[ладший] ф[ейерверкер] Ч. действительно в батарее у нас был, но эвакуирован по ранению вглубь России, и где сейчас находится, неизвестно. Это не была 100 проц[ентная] ложь, т. к. в числе трех ранений, полученных Ч., одно было в нижнюю челюсть; ему ставили искусственные зубы, но не очень удачно, и когда ему хотелось поехать в Киев, где мать нашего батар[ейного] к[оманди]ра была старшей сестрой в госпитале Вел[икой] Кн[ягини] Ольги Александровны¹³³ и где ему обеспечен был «и стол и дом», он приходил ко мне и делал жалобное лицо, держа свои незадачливые зубы в руках. Я знал уже, в чем дело, и без лишних слов выписывал ему документы на командировку... вот причина, почему наш герой не делал большой карьеры, и еще главное то, что он нужен был нам на передовом наблюдательном пункте как тайный агент-разведчик, чтобы мы знали, что на самом деле творится на нашей передней линии.

Сейчас он стоял передо мною строго по уставу навытяжку, но в несколько необычном виде: в одних подштанниках, с обледенелым телефонным аппаратом через плечо. Доложил он мне мало утешительного обо всем этом, впрочем, по нюансам огня я догадывался уже и сам. Пустивши третью волну, немцы пошли в атаку, и сейчас уже заречный плацдарм полностью ими занят. Не ушел никто из оставшихся в живых частей нашей пехотной и Н. стр[елковой] дивизии¹³⁴. Одна батарея тоже осталась на том берегу, т. к. мосты были разрушены еще на рассвете. Пехота будто бы оборонялась до последнего... К[оманди]р батальона, при котором был аккредитован наш Ч., по его словам, несколько раз поднимал батальон в контратаку, но последняя и самая сильная волна сломила сопротивление. Сейчас немцы производят систематическую чистку наших окопов. Ч. ушел в последний момент. Перебрался вплавь через Стоход, зашел по дороге на наш командирский наблюдательский

---

¹³³ Великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) — дочь императора Александра III. В годы Первой Мировой войны работала в лазаретах в тылу и на передовой, за что была награждена Георгиевской медалью 4-й степени.

¹³⁴ Скорее всего, имеется в виду один из полков 1-й стрелковой бригады 14-го армейского корпуса, входивший в 5-ю армию, в которую также входила и 73-я пехотная дивизия, где служил Э. Лисенко.

пункт. Блиндаж был завален, наблюдатель и телефонист откапывали кап[итана] П., он и подпор[учик] Б. не ранены. К[оманди]р понемногу идет, его сопровождают телефонисты; подпор[учик] Б. будет на батарее скорее и тогда поможет мне. Огня к[оманди]р приказал по возможности не прекращать и батарею без его приказа не снимать. О восстановлении телефонной связи вперед, конечно, уже не могло быть и речи. Я поблагодарил Ч. за службу и сделанный им доклад, который очень подбодрил мои угасающие силы. Велел ему идти в передки; хорошо зная этого дядю, строго-настрого приказал ему на позицию сегодня не показываться. Это была последняя моя с ним встреча. Обмороженный и тяжело отравленный, он был эвакуирован одним из первых.

Другое странное существо привлекло мое внимание — кто-то лазил на животе вокруг меня. Кто это, я видеть не мог, так как на лице его была маска, но все же догадался по гусарским корнетским погонам с номерной шифровкой. Корнета мой невозмутимый вид, видимо, ободрил, и он поднялся, снял маску и сказал мне, что прислан с разъездом для выяснения обстановки на нашем участке (отдельный кавал[ерийский] к[орпус]с Вел[ико] Кн[язя] Михаила Александровича¹³⁵ был с нами в стыке¹³⁶). Я, признаться, несколько удивился его появлению, но все же в двух словах рассказал ему, что знал, но не удержался и добавил: «А впрочем, что же вы у меня спрашиваете, езжайте вперед и узнайте». Этого, конечно, не следовало бы мне говорить, он, видимо, обиделся. Официально откозырял мне и, стоя со мною рядом, во весь рост, открыто под этим адским огнем поднял руку и перчаткой начал делать кому-то знаки. Я повернул голову и увидел, как из подлесного густого кустарника появился оставленный им там разъезд в пять коней. Последующее произошло молниеносно.

В самую середину тесно идущего разъезда попала мортирная бомба. Эффект был потрясающий. Сперва я подумал, что все люди и лошади убиты, но это было не совсем так: на месте было убито два гусара и три коня. Три оставшиеся в живых, не пролежав и полминуты, подня-

¹³⁵ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) — четвертый сын Александра III, младший брат Николая II; генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант. В годы Первой Мировой войны — командир Кавказской туземной («Дикой») дивизии. В марте 1917 г., узнав, что Николай II передал ему престол, и проведя переговоры с представителями Государственной Думы, отказался от принятия власти до решения Учредительного собрания. В 1917 г. жил в Гатчине (с августа — под арестом). В марте 1918 г. отправлен большевиками в ссылку в Пермскую губернию; убит в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. сотрудниками местной ЧК.

¹³⁶ Неясно, какой корпус имеет в виду автор. До 30 марта 1917 г. великий князь Михаил Александрович командовал Кавказской туземной конной дивизией (в корпус она будет развернута только в августе 1917 г.), в которой не было гусарских полков.

лись и, придерживая шашки, как зайцы, исчезли в кустах. Исчез и мой корнет. Два не убитых коня поднялись и тоже дали ходу. Одна из этих лошадей упала, запутавшись в собственных кишках, другая проковыляла немного и легла у нашей офицерской землянки. Только под вечер я сообразил, что меня так расстраивает именно эта лошадь: у нее были оторваны оба передние копыта и она тщетно старалась встать, жалобно плача от боли. Одно обстоятельство напомнило мне, что у меня на поясе револьвер, — это когда мне доложили, что уже еще один телефонист убит на линии. Я подошел к землянке телефонистов и, просунув голову в окоп, коротко бросил: «Следующий», повернулся идти, но невольно задержался, услышав слова бомбардира П.¹³⁷ Он был не только моим вестовым, но нянькою и другом. Георгиевский кавалер «За взятие Пекина» (1900 г.), он участвовал также и в Русско-японской войне...

«Что же ты, Г.¹³⁸, не слыхал, что ли? Скажи ты мне на милость, человек ты или кто? Что же это поручику с револьвером на тебя итить, как на бешеную собаку?» Трудно было не улыбнуться... В следующий момент Г. выскочил из блиндажа и среди разрывов рысью помчался по проводу. Эти слова П. напомнили мне о револьвере, и я окончательно понял, что меня все время смутно тревожило — это ее ржание... Вынув револьвер, я подошел к бедному животному. Этот эпизод мне запомнился вот почему: когда я наклонился, чтобы вставить коню револьвер в ухо, в ленчик седла ударила граната, я упал с молниеносной мыслью «убит!»... Но не тут-то было: граната сделала «пф!» и, распавшись на части, обдала меня какой-то зловонной газовой дрянью. Погоны, пуговицы мгновенно стали темно-зелеными, но сам я был жив. Вообще же, откровенно говоря, я так твердо был уверен, что не буду в этот день убит, что даже и не думал об этом. Только раз, это было уже на закате, я проявил душевную слабость, среди дыма газов и разрывов увидав садящееся за леса огромное багровое солнце. Оно было уже как раз над деревьями, и я в душе обратился к Создателю с просьбой оставить меня в живых до тех пор, пока солнце не скроется, и уже подумал: может быть, завтра солнце и вообще не взойдет, а тогда и жить не стоит... Последнее было, конечно, самоутешением. Мне уже не так много остается дописать.

Меня позвал к телефону к[оманди]р (к[омандую]щий) бригадой ген. Б. Я подошел к землянке связи в тыл и удивился: все четыре телефониста сидели на аппаратах совершенно открыто и без масок. «Что вы, черти, жизнь вам не дорога?»... «Никак нет, г[осподи]н поручик, только здесь все же вольготнее, в блиндаже и вовсе дышать нельзя». Они были совершенно правы, газ, стелясь по земле, заполнял собою все неровно-

---

¹³⁷ Информацию о солдате найти не удалось.

¹³⁸ Информацию о солдате найти не удалось.

сти почвы, не говоря уже о таких дырах, как окоп. Генерал начал со мною очень ласково: «Здравия желаю, Э.Э., как вы себя чувствуете?» — «Ничего, благодарю вас, Н.П., превосходно, что прикажете?» — «Возьмите трехверстку, я вам объясню». Я пошел в офицерский блиндаж, он был еще цел, но рядом с ним блиндаж моих вольноопределяющихся, я заведовал их учеб[ною] командою, был уже завален. Среди хаоса и газов планшетку я все же нашел и вернулся к аппарату. «Так вот что, Э.Э., изволите ли вы видеть высоту с лесом 4711? В этом лесу противник, наверное, накапливает резервы. Вы ее обстреляете беглым огнем, хорошо?» — «Так точно, Ваше превосходительство, но ведь до нее больше шести верст... по батарее шагу пройти нельзя, такой огонь, а мне придется выкатить орудие из блиндажей и подкопать им хобота. Это совершенно невозможно». — «Нет уж, вы, пожалуйста, это сделайте для меня, я и начальнику дивизии доложил, что вы уже туда стреляете».

Я слишком хорошо знал эту старую лисицу. Недаром же я два месяца был у него дивизионным адъютантом. Этот господин имел Георгия 4-й степ., Владимира 3-й степ. с мечами, за отличие был произведен в генералы, но даже прапорщики избегали пожимать ему руку. Все его «подвиги» были щедро оплачены чужою кровью. Я вспомнил, что мое шестое орудие без блиндажа, и, чтобы избавиться от генерала¹³⁹, доложил ему, что приказание исполнено, решил использовать последнее обстоятельство. Здесь я обернулся к шестому орудью и невольно залюбовался, да и нельзя было не залюбоваться: батарея в целом как таковая уже не работала, стреляли по собственной инициативе взводные фейерверкера по мере возможности. Прислуга была или переранена, или отравлена, так что большего делать, казалось, и нельзя было. И вот я вижу: около шестого орудия никого уже нет, вокруг него вся земля перепажана воронками, а молодой бомбардир ведет огонь в единственном числе. Он тоже, видимо, был уже на исходе. Но то, что он делал, привело меня в восхищение.

Он поставил около лафета ведро с водой и, зарядив орудие, окунал в воду марлевую маску, быстро клал ее себе на лицо, держал минуту и, переведя таким образом дух, быстро наводил и делал выстрел. Я распорядился помочь ему подкопать хобот на прицел 160 и пошел к телефону доложить генералу об исполнении его приказания. Результат был неожиданный: «Э[раст] Э[растович], дорогой, я сам еду к вам. Вот мне и коня уже подвели. Вы ведь слышите голос Л.¹⁴⁰ (его конного вестового)?» Здесь он нажал клапан, и я действительно услышал бас Л.: «Ваше превосходительство, кони готовы!». «Так точно, Н.П., слышу, милости

¹³⁹ Написано поверх слов «этого негодяя».

¹⁴⁰ Информацию о солдате найти не удалось.

просим, я буду очень рад вас видеть». «Ну, до скорого, я сажусь в седло, сейчас увидимся».

Нечего и говорить, что «герой» не появился и близко. Зная о том, что кроме моей батареи больше никто не стреляет, он и не заикнулся мне об этом. Ген[ерал] Б. определенно бил на Георгия 3-й степени, Георгиевский статут носил в кармане. Еще минувшим летом под Логишином он рассмешил меня до слез. Я был в этот день назначен к начальнику боевого участка ген. Де-Л.Т.¹⁴¹ для связи, подхожу к командирскому наблюдательному пункту и вижу: г.г. начальники стоят кучкой и ликуют, поздравляя друг друга с победой, — впереди Т-цы¹⁴² лихим штыковым ударом только что заняли высоты перед местечком, переколов батальон находящихся на них немцев; мой же Н.П. стоит в стороне под деревом, углубившись в какую-то брошюру. Я тихонько подошел сзади и заглянул ему через плечо — это был Георгиевский статут, открытый им на 3-й степ. Через несколько минут 5-я батарея взялась по его приказанию в передки и рысью вынеслась на открытую позицию среди чистого, как скатерть, поля преследовать огнем отходящего противника. Не прошло и получаса, как три из ее шести ящиков были взорваны шквальным огнем с другой стороны реки, а самую батарею с трудом удалось снять только с наступлением темноты. Но право же, ген. Б. не заслуживает, чтобы так долго говорить о нем здесь. Уже в Галлиполи я подошел к [ст.? м.?] арт[иллерийского] див[изиона] полковнику Б.¹⁴³ с вопросом: не его ли родственник командовал в Н. арт. бр[ига]де 2-м дивизионом, а позже был командующим бригадою. «Как же, — ответил он мне, — мне этот негодяй родным дядюшкой приходится. Так значит, и вы его знали? Он теперь командует у красных орловским гарнизоном».

Я должен теперь вернуться несколько назад, объяснив отсутствие на батарее прап[орщи]ка М.¹⁴⁴ Дело в том, что еще утром, прождав его довольно долго, я послал П. справиться, что с ним. Посланный мне доложил, что прапорщик встали, умылись, напились чаю, но прийти сейчас не могут, т. к. пишут своей барыне письмо. Безрезультатно прождав его еще некоторое время, я пошел узнать, в чем дело. Нужен он был мне до зарезу, т. к. его присутствие на второй полубатарее избавило бы меня от непрерывного хождения по фронту с правого фланга на левый, что, принимая во внимание интенсивность огня, не доставляло мне большого удовольствия. Когда я спустился в офиц[ерский] блиндаж, окна в нем

---

¹⁴¹ Информацию об офицере найти не удалось.

¹⁴² Скорее всего, темниковцы, солдаты 445-го Темниковского полка.

¹⁴³ Информацию об офицере найти не удалось.

¹⁴⁴ Информацию об офицере найти не удалось.

были уже выбиты, внутри все перевернуто, двое из моих вольноперов¹⁴⁵ хлопотали около прапорщика, на лице которого были следы порезов и крови. Оказывается, он сидел у окна за столом и писал жене письмо-завещание, когда бомба разорвалась недалеко от блиндажа, выбив в нем все стекла и исцарапав осколками физиономию прап[орщика] М. Я попросил одного из вольноопределяющихся сообщить на перевязочный пункт, чтобы за «раненым» прап[орщиком] М. выслали двуколку, и вышел опять на позицию. Говорить что-либо с самим М. не было у меня ни малейшей охоты; да и что я мог сказать ему? На следующее утро, хорошо отдохнувши от тяжелых переживаний, он присоединился к нам на новой позиции, сияя, как солнышко, от радости, что остался жив. Царапины на лице были замазаны йодом. Мы на него не сердились...

Еще я помню конную атаку донского каз[ачьего] п[ол]ка, прикомандированного к нашему корпусу. Атаковали они густою лавою, пройдя по большаку, что был на Черевнице с нашего левого фланга. Зрелище было импозантное, но не прошло и пятнадцати минут, как полк удвоенным аллюром пронесся уже обратно, попав, очевидно, в густые газы, скопившиеся на опушке леса. Этим попытка парализовать немецкое наступление с нашей стороны и ограничилась. Кое-как до наступления полной темноты я все же продолжал огонь, позже пришел Т.А.Б., а я на некоторое время, видимо, забылся и очнулся, уловив чутким ухом какие-то странные звуки. Было уже около часа ночи. Среди вспышек своего и чужого огня на выдвинутом из блиндажа ящике одного из орудий стоял подп[оручик] Т.А.Б. и дирижировал батарею стрелять: «По моей команде... залпами... заряжай... огонь!» Это было не по-уставному, но очень эффективно... причём каждый свой залп Т.А. подгонял к разрыву вражеской очереди на нашей батарею, что, пожалуй, было и лишнее. Немцы слишком хорошо знали места наших батарей. Не позже как на прошлой неделе вражеский самолет не меньше получаса среди белого дня описывал круги над нашей позицией, пуская ракеты. Как ни невероятно это было, но в Б-ских залпах дружно принимали участие все шесть орудий. Фигура Б. на орудийном ящике, озаряемая морем разрывов, была очень живописна. Трудно себе представить, чтобы солдаты кого-либо из офицеров так уважали и любили, как Т.А.Б., произведенного в прапорщики из ст. фейерверкеров за [п]оказанное им отличие в Вост[очной] Пруссии. Из состава батареи много было у него земляков и даже родственников, и надо было видеть, как все они им гордились и готовы были все для него сделать. Герой чистой воды, необычайно деликатный и скромный, он пользовался общими симпатиями и у офицерства. Я поэтому не очень удивился достигнутой им гармонии.

---

¹⁴⁵ Обиходное название вольноопределяющихся.

Около 2-х часов ночи провели, вернее, пронесли через позиции к[оманди]ра кап[итана] П.¹⁴⁶, он был в сознании и приказал мне снимать батарею. Его уложили на поджидавший его батарейный экипаж и увезли. Эвакуироваться он, так же как Б. и я, не пожелал. Когда под утро я, приведя батарею на новую позицию, вошел в офицерский блиндаж, кап[итан] П. почти умирал, с трудом дыша через кислородную маску, полученную с перевязочного пункта нашей Н. летучки Красного Креста.

Я помню ясно момент появления передков на батарее. Это походило на чудо, и было сделано почти что на карьере: убиты были две лошади и один ездовой. Правда, треть побывавших под газом лошадей пали позже, когда летом началась жаркая погода. Т.А. повел батарею, я же остался «ликвидировать дела». Денщики все уже уложили на парную повозку, которая и отъехала. Подъехала офицерская двуколка с моим любимым ездовым, который бывал у нас и в роли кучера офиц[ерского] экипажа. Звали мы его попросту «борода». Он и на самом деле было похож на Деда Мороза, этот маленький мужичок, всегда с доброю улыбкою на лице и густой бородой, которая росла у него даже и из ушей.

Не успел я сказать ему «готово, брат, отъезжай», как у передка, где-то под крупом лошади, разорвалась граната; мой любимый дед успел все-же недоуменно-горестно воскликнуть: «Батюшки, да кажись, я убит!»

Я не был бы справедлив, если бы не упомянул еще о следующем: определяя на другой день на новой позиции наименьший прицел и позже ведя огонь, на пункте был опять подп[оручик] Б., я обратил внимание на то, что, исполнив команду, люди ложатся на землю. Желая проверить впечатление, я подошел к взводному 2-го взвода, очень дисциплинированному и исполнительному ст[аршему] фейерверкеру, кавалеру двух степеней А. и задал ему какой-то вопрос. Отвечая мне, он приложил руку к козырьку, силенка подняться, но сделать это было ему не под силу. Я рассвирепел, начал крыть их во все тяжкие, говоря, что еще вчера ночью приказал всем чувствующим себя отравленными,

---

¹⁴⁶ Возможно, Ползиков Михаил Николаевич (1875–1938) — офицер-артиллерист, полковник (1916). Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус (1893), Павловское военное училище (1895), Офицерскую артиллерийскую школу (1914). В годы Первой Мировой войны — в артиллерийских частях Западного, Северо-Западного, Румынского фронтов. В годы Гражданской войны — в Дроздовских частях, участник похода Яссы—Дон. Галлиполиец. В эмиграции — в Болгарии и Люксембурге. 21-го марта 1917 г. у станции Черевиче был действительно отравлен газами. Однако к этому времени он не был капитаном, в сентябре 1916 г. ему был присвоен чин полковника.

а также всем раненым немедленно эвакуироваться и ни в коем случае на батарее не оставаться. «Точно так, г[осподи]н поручик, — ответил мне А.¹⁴⁷ — Вы изволили приказать, но, покамест к[оманди]р и вы были без сознания, мы имели общее собрание и порешили, что кто только еще сколько-нибудь в силах с батареей пусть не уходит, аж пока нас в резерв не отведут». Я не нашелся, что возразить ему... Для 22-го дня «Великой Бескровной» это не было так уж плохо!

В этом бою батарея потеряла до 30 проц[ентов] убитыми, ранеными и отравленными. Когда нас отвели в резерв, еще эвакуировалось проц[ентов] 30 из состава боевой части, бывшей под газами.

Припоминаю перевязочное свидетельство, полученное мною в Петрограде от гл[авного] врача Военного министерства Р.¹⁴⁸ неделю спустя после описанного выше боя. Вот некоторые пассажи из него: полное расстройство всей нервной системы. «Что же это, доктор, я как бы сумасшедший?» — «Ну, еще не совсем, но вроде», — ответил он мне. Острое воспаление всех слизистых оболочек, острое отравление кишечника, расширение всех кровеносных сосудов и сердца, оставшееся у меня на всю последующую жизнь. «Какие же, доктор, последствия всего этого?» — «Не знаю, милый, не могу вам сказать, вы ведь первые в эту войну у нас. Время покажет»...

На этом я мог бы закончить свои воспоминания, но, будучи в 1921–22 гг. в Болгарии, я познакомился с только что тогда изданной книгою немец[кого] Ген[ерального] штаба, артиллериста майора Вольфа¹⁴⁹. Этот Вольф был организатором артиллерийской части всех немецких «бумов» на Западном и на нашем фронтах. Капацита¹⁵⁰ приблизительно подобная нашему ген[ералу] Кирею¹⁵¹ (старшему). Упоми-

---

¹⁴⁷ Информацию о нижнем чине найти не удалось.

¹⁴⁸ Возможно, Э.Э. Лисенко общался со знаменитым хирургом Николаем Ниловичем Бурденко (1876–1946), который в 1917 г. был назначен «исправляющим должность главного военно-санитарного инспектора».

¹⁴⁹ Информацию об офицере найти не удалось.

¹⁵⁰ От чешск. *Kapacita* — «авторитет».

¹⁵¹ Кирей Василий Фаддеевич (1879–1942) — генерал-майор (1917), теоретик и практик артиллерийского дела в Русской Императорской армии. Участник Великой войны. Награжден Георгиевским оружием за артиллерийскую подготовку во время Луцкого прорыва (1916). 7 июля 1917 г. назначен исправляющим должность инспектора артиллерии 41-го армейского корпуса. С сентября 1917 г. — в украинизированных частях. В период Украинской державы входил в состав Генерального штаба, был членом комиссии по созданию войсковых школ и академий, инспектором артиллерии 40-го корпуса. Был начальником штаба обороны Киева в январе 1918 г. Власти Директории не признал и перешел в Добровольческую армию генерала Деникина на должность начальника артиллерийского снабжения. В Русской армии генерала

налось в этой книге и о ликвидации Старо-Черевещенского плацдарма. В операции принимали участие, насколько помню, части двух немецких корпусов. Подготовлена она была очень загодя с чисто немецкой тщательностью и, кроме локального значения, имела еще и общестратегическое — прощупать, как отразилась на нашей обороне произошедшая революция. Вперед продвинуться немцы поопасались, т. к., видя, что мы не все свои батареи убрали и не прекращаем огня, они думали, что могут попасть в окружение. Никто из них, конечно, и представить себе не мог, чтобы мы осмелились оставить артиллерию на позиции не только без какого-либо прикрытия, но даже без малейшего знания обстановки.

Пришли мне тогда на память слова одного из моих бригадных сослуживцев: «Немцы всегда все вперед предусмотрят и рассчитают до мелочей, а мы в ответ такую импровизацию учиним, что они от удивления только ахнут да рот откроют. Вот это-то нам и нужно!» Так этот остряк толковал суворовское «Удивить — победить».

Э.Л.

Список литературы

1. *Воспоминания И.Э. Лисенко о своей семье // Личный архив Ю.С. Пыльцына (ЛАП).*
2. *Александров К.М.* Накануне Февраля: Русская Императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. М.: «Посев», 2022. 272 с.
3. *Кузнецов А.* Церковь и грех Февраля. Б. м., 2016. 455 с.
4. *Мультипули П.В.* «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.
5. *Оськин М.В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М.: «Вече», 2016. 467 с.
6. *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М.: «Вече», 2014. 544 с.
7. *Шелюбский А.* Большевицкая пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 года // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 67–80.
8. *Э. Л. Газы // Вестник Первопоходника. 1969. № 88. С. 39–49.*
9. *Эфрос А.М.* Профили: очерки о русских художниках. СПб.: «Азбука-классика», 2007. 230 с.

Врангеля — начальник Военно-технического управления. С сентября 1920 г. в эмиграции (Югославия, Чехословакия). Скончался в г. Кошице (Словакия). Э.Э. Лисенко мог лично знать генерала.

Сведения об авторе

Пыльцын Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). E-mail: ys1577@mail.ru